

Чарльз
ДИККЕНС

Чарльз ДИККЕНС

✧ ХОЛОДНЫЙ ДОМ ✧

Шедевр мировой литературы
В ОДНОМ ТОМЕ

2016
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д45

Charles Dickens
BLEAK HOUSE

Перевод на русский язык *М. Клягиной-Кондратьевой*

Оформление серии *О. Горбовской*

Диккенс, Чарльз.
Д45 Холодный дом. Шедевр мировой литературы в одном томе : [роман] / Чарльз Диккенс ; [пер. с англ. М. И. Клягиной-Кондратьевой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 896 с. — (Полное собрание сочинений).

ISBN 978-5-699-53733-4

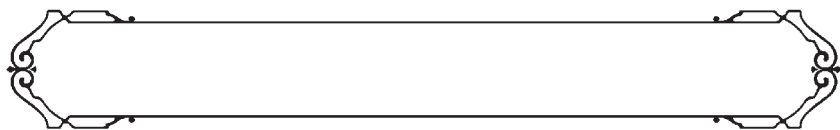
Чарльз Диккенс (1812—1870) — один из величайших англоязычных прозаиков XIX века. «Просейте мировую литературу — останется Диккенс» — эти слова принадлежат Льву Толстому.

Большой мастер создания интриги, Диккенс насытил драму «Холодный дом» тайнами и запутанными сюжетными ходами. Вы будете плакать и смеяться буквально на одной странице, сочувствовать и сострадать беззащитным и несправедливо обиженным — автор не даст вам перевести дух.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-53733-4

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Предисловие

Как-то раз в моем присутствии один из канцлерских судей любезно объяснил обществу примерно в полтораста человек, которых никто не подозревал в слабоумии, что хотя предубеждения против Канцлерского суда распространены очень широко (тут судья, кажется, покосился в мою сторону), но суд этот на самом деле почти безупречен. Правда, он признал, что у Канцлерского суда случались кое-какие незначительные промахи — один-два на протяжении всей его деятельности, но они были не так велики, как говорят, а если и произошли, то только лишь из-за «скаредности общества»: ибо это зловерное общество до самого последнего времени решительно отказывалось увеличить количество судей в Канцлерском суде, установленное — если не ошибаюсь — Ричардом Вторым, а впрочем, неважно, каким именно королем.

Эти слова показались мне шуткой, и, не будь она столь тяжело-весной, я решил бы включить ее в эту книгу и вложил бы ее в уста Велеречивого Кенджа или мистера Воулса, так как ее, вероятно, придумал либо тот, либо другой. Они могли бы даже присовокупить к ней подходящую цитату из шекспировского сонета:

Красильщик скрыть не может ремесло,
Так на меня проклятое занятие
Печатью несмываемой легло.
О, помоги мне смыть мое проклятье!

Но скаредному обществу полезно знать о том, что именно происходило и все еще происходит в судебском мире, поэтому заявляю, что все написанное на этих страницах о Канцлерском суде — истинная правда и не грешит против правды. Излагая дело Гридди, я только пересказал, не изменив ничего по существу, историю одного истинного происшествия, опубликованную беспристрастным человеком, который по роду своих занятий имел возможность

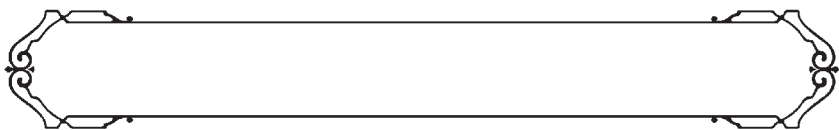
наблюдать это чудовищное злоупотребление с самого начала и до конца. В настоящее время¹ в суде разбирается тяжба, которая была начата почти двадцать лет тому назад, в которой иногда выступало от тридцати до сорока адвокатов одновременно; которая уже обошлась в семьдесят тысяч фунтов, истраченных на судебные пошлины; которая является *дружеской тяжбой* и которая (как меня уверяют) теперь не ближе к концу, чем в тот день, когда она началась. В Канцлерском суде разбирается и другая знаменитая тяжба, все еще не решенная, а началась она в конце прошлого столетия и поглотила в виде судебных пошлин уже не семьдесят тысяч фунтов, а в два с лишком раза больше. Если бы понадобились другие доказательства того, что тяжбы, подобные делу «Джарндисы против Джарндисов», существуют, я мог бы в изобилии привести их на этих страницах, к стыду... скаредного общества.

Есть еще одно обстоятельство, о котором я хочу коротко упомянуть. С того самого дня, как умер мистер Крук, некоторые лица отрицают, что так называемое самовозгорание возможно; после того как кончина Крука была описана, мой добрый друг, мистер Льюис (быстро убедившийся в том, что глубоко ошибается, полагая, будто специалисты уже перестали изучать это явление), опубликовал несколько остроумных писем ко мне, в которых доказывал, что самовозгорания быть не может. Должен заметить, что я не ввожу своих читателей в заблуждение ни умышленно, ни по небрежности и, перед тем как писать о самовозгорании, постарался изучить этот вопрос. Известно около тридцати случаев самовозгорания, и самый знаменитый из них, происшедший с графиней Корнелией де Байди Чезенате, был тщательно изучен и описан веронским пребендарием Джузеппе Бианкини, известным литератором, опубликовавшим статью об этом случае в 1731 году в Вероне и позже, вторым изданием, в Риме. Обстоятельства смерти графини не вызывают никаких обоснованных сомнений и весьма сходны с обстоятельствами смерти мистера Крука. Вторым в ряду наиболее известных происшествий этого рода можно считать случай, имевший место в Реймсе шестью годами раньше и описанный доктором Ле Ка, одним из самых известных хирургов во Франции. На этот раз умерла женщина, мужа которой, по недоразумению, обвинили в ее убийстве, но оправдали после того, как он подал хорошо аргументированную апелляцию в вышестоящую инстанцию, так как свидетельскими показаниями было неопровержимо доказано, что смерть последовала от самовозгорания. Я не считаю нужным до-

¹ В августе 1853 г. (*Прим. автора.*)

бавлять к этим знаменательным фактам и тем общим ссылкам на авторитет специалистов, которые даны в главе XXXIII, мнения и исследования знаменитых профессоров-медиков, французских, английских и шотландских, опубликованные в более позднее время; отмечу только, что не откажусь от признания этих фактов, пока не произойдет основательное «самовозгорание» тех свидетельств, на которых основываются суждения о происшествиях с людьми.

В «Холодном доме» я намеренно подчеркнул романтическую сторону будничной жизни.

Глава I

В Канцлерском суде

Лондон. Осенняя судебная сессия — «Сессия Михайлова дня» — недавно началась, и лорд-канцлер восседает в Линкольнс-Инн-Холле. Несносная ноябрьская погода. На улицах такая слякоть, словно воды потопа только что схлынули с лица земли, и, появившись на Холборн-Хилле мегалозавр длиной футов в сорок, плетущийся, как слоноподобная ящерица, никто бы не удивился. Дым стелется, едва поднявшись из труб, он словно мелкая черная изморось, и чудится, что хлопья сажи — это крупные снежные хлопья, надевшие траур по умершему солнцу. Собаки так вымазались в грязи, что их и не разглядишь. Лошади едва ли лучше — они забрызганы по самые наглазники. Пешеходы, поголовно заразившись раздражительностью, тычут друг в друга зонтами и теряют равновесие на перекрестках, где, с тех пор как рассвело (если только в этот день был рассвет), десятки тысяч других пешеходов успели споткнуться и поскользнуться, добавив новые вклады в ту уже скопившуюся — слой на слое — грязь, которая в этих местах цепко прилипает к мостовой, нарастая, как сложные проценты.

Туман везде. Туман в верховьях Темзы, где он плывет над зелеными островками и лугами; туман в низовьях Темзы, где он, утратив свою чистоту, клубится между лесом мачт и прибрежными отбросами большого (и грязного) города. Туман на Эссекских болотах, туман на Кентских возвышенностях. Туман ползет в камбузы угольных бригов; туман лежит на реях и плывет сквозь снасти больших кораблей; туман оседает на бортах баржей и шлюпок. Туман слепит глаза и забивает глотки престарелым гринвичским пенсионерам, хрипящим у каминов в доме призрения; туман проник в чубук и головку трубки, которую курит после обеда сердитый шкипер, засевавший в своей тесной каюте; туман жестоко щиплет пальцы на руках и ногах его маленького юнги, дрожащего на палубе. На мостах какие-то люди, перегнувшись через перила, заглядывают в туманную

преисподнюю и, сами окутанные туманом, чувствуют себя как на воздушном шаре, что висит среди туч.

На улицах свет газовых фонарей кое-где чуть маячит сквозь туман, как иногда чуть маячит солнце, на которое крестьянин и его работник смотрят с пашни, мокрой, словно губка. Почти во всех магазинах газ зажгли на два часа раньше обычного, и, кажется, он это заметил — светит тускло, точно нехотя.

Сырой день всего сырее, и густой туман всего гуще, и грязные улицы всего грязнее у ворот Тэмпл-Бара, сей крытой свинцом древней заставы, что отменно украшает подступы, но преграждает доступ к некоей свинцоволобой древней корпорации. А по соседству с Тэмпл-Баром, в Линкольнс-Инн-Холле, в самом сердце тумана восседает лорд верховный канцлер в своем Верховном Канцлерском суде.

И в самом непроглядном тумане, и в самой глубокой грязи и трясине невозможно так заплутаться и так увязнуть, как ныне плутает и вязнет перед лицом земли и неба Верховный Канцлерский суд, этот зловреднейший из старых грешников.

День выдался под стать лорд-канцлеру — в такой, и только в такой вот день подобает ему здесь восседать, — и лорд-канцлер здесь восседает сегодня с туманным ореолом вокруг головы, в мягкой ограде из малиновых сукон и драпировок, слушая обратившегося к нему дородного адвоката с пышными бакенбардами и тоненьким голоском, читающего нескончаемое краткое изложение судебного дела, и созерцаая окно верхнего света, за которым он видит туман и только туман. День выдался под стать членам адвокатуры при Верховном Канцлерском суде, — в такой-то вот день и подобает им здесь блуждать, как в тумане, и они в числе примерно двадцати человек сегодня блуждают здесь, разбираясь в одном из десяти тысяч пунктов некоей донельзя затянувшейся тяжбы, подставляя ножку друг другу на скользких прецедентах, по колено увязая в технических затруднениях, колотясь головами в защитных париках из козьей шерсти и конского волоса о стены пустословия и по-актерски серьезно делая вид, будто вершат правосудие. День выдался под стать всем причастным к тяжбе поверенным, из коих двое-трое унаследовали ее от своих отцов, зашибивших на ней деньги, — в такой-то вот день и подобает им здесь сидеть, в длинном, усланном коврами «колодце» (хоть и бессмысленно искать Истину на его дне); да они и сидят здесь все в ряд между покрытым красным сукном столом регистратора и адвокатами в шелковых мантиях, навалив перед собой кипы исков, встречных исков, отводов, возражений, ответчиков, постановлений, свидетельских показаний, судеб-

ных решений, референтских справок и референтских докладов — словом, целую гору чепухи, что обошлась очень дорого.

Да как же суду этому не тонуть во мраке, рассеять который бес- сильны горящие там и сям свечи; как же туману не висеть в нем та- кой густой пеленой, словно он застрял тут навсегда; как цветным стеклам не потускнеть настолько, что дневной свет уже не прони- кает в окна; как непосвященным прохожим, заглянувшим внутрь сквозь стеклянные двери, осмелиться войти сюда, не убоявшись этого зловещего зрелища и тягучих словопрений, которые глухо отдаются от потолка, прозвучав с помоста, где восседает лорд вер- ховный канцлер, созерцаая верхнее окно, не пропускающее света, и где все его приближенные париконосцы заблудились в тумане! Ведь это Канцлерский суд, и в любом графстве найдутся дома, раз- рушенные, и поля, заброшенные по его вине, в любом сумасшед- шем доме найдется замученный человек, которого он свел с ума, а на любом кладбище — покойник, которого он свел в могилу; ведь это он разорил истца, который теперь ходит в стоптанных сапогах, в поношенном платье, занимая и клянча у всех и каждого; это он позволяет могуществу денег бессовестно попираить право; это он так истощает состояния, терпение, мужество, надежду, так подавля- ет умы и разбивает сердца, что нет среди судебных честного чело- века, который не стремится предостеречь, больше того, — который часто не предостерегает людей: «Лучше стерпеть любую обиду, чем подать жалобу в этот суд!»

Так кто же в этот хмурый день присутствует в суде лорд-канцле- ра, кроме самого лорд-канцлера, адвоката, выступающего по делу, которое разбирается, двух-трех адвокатов, никогда не выступаю- щих ни по какому делу, и вышеупомянутых поверенных в «колод- це»? Здесь, в парике и мантии, присутствует секретарь, сидящий ни- же судьи; здесь, облаченные в судебскую форму, присутствуют два- три блюстителя не то порядка, не то законности, не то интересов короля. Все они одержимы зевотой — ведь они никогда не получа- ют ни малейшего развлечения от тяжбы *«Джарндисы против Джарндисов»* (того судебного дела, которое слушается сегодня), ибо все интересное было выжато из нее многие годы тому назад. Стенографы, судебные докладчики, газетные репортеры неизмен- но удирают вместе с прочими завсегдаятами, как только дело Джарндисов выступает на сцену. Их места уже опустели. Стремясь получше разглядеть все, что происходит в задрапированном святи- лице, на скамью у боковой стены взобралась щупленькая, полоум- ная старушка в измятой шляпке, которая вечно торчит в суде от на- чала и до конца заседаний и вечно ожидает, что решение каким-то

непостижимым образом состоится в ее пользу. Говорят, она действительно с кем-то судится или судилась; но никто этого не знает наверняка, потому что никому до нее нет дела. Она всегда таскает с собой в ридикюле какой-то хлам, который называет своими «документами», хотя он состоит главным образом из бумажных спичек и сухой лаванды. Арестант с землистым лицом является под конвоем — чуть не в десятый раз — лично просить о снятии с него «обвинения в оскорблении суда», но просьбу его вряд ли удовлетворят, ибо он был когда-то одним из чьих-то душеприказчиков, пережил их всех и безнадежно запутался в каких-то счетах, о которых, по общему мнению, и знать не знал. Тем временем все его надежды на будущее рухнули. Другой разоренный истец, который время от времени приезжает из Шропшира, каждый раз всеми силами стараясь добиться разговора с канцлером после конца заседаний, и которому невозможно растолковать, почему канцлер, четверть века отравлявший ему жизнь, теперь вправе о нем забыть, — другой разоренный истец становится на видное место и следит глазами за судьей, готовый, едва тот встанет, воззвать громким и жалобным голосом: «Милорд!» Несколько адвокатских клерков и других лиц, знающих этого просителя в лицо, задерживаются здесь в надежде позабавиться на его счет и тем разогнать скуку, навеянную скверной погодой.

Нудное судоговорение по делу Джарндисов все тянется и тянется. В этой тяжбе — пугале, а не тяжбе! — с течением времени все так перепуталось, что никто не может в ней ничего понять. Сами тяжущиеся разбираются в ней хуже других, и общеизвестно, что даже любые два юриста Канцлерского суда не могут поговорить о ней и пять минут без того, чтобы не разойтись во мнениях относительно всех ее пунктов. Нет числа младенцам, что сделали участниками этой тяжбы, едва родившись на свет; нет числа юношам и девушкам, что породнились с нею, как только вступили в брак; нет числа старикам, что выпутались из нее лишь после смерти. Десятки людей с ужасом узнавали вдруг, что они неизвестно как и почему оказались замешанными в тяжбе «Джарндисы против Джарндисов»; целые семьи унаследовали вместе с нею старые полузабытые распри. Маленький истец или ответчик, которому обещали подарить новую игрушечную лошадку, как только дело Джарндисов будет решено, успевал вырасти, обзавестись настоящей лошадью и ускакать на тот свет. Опекаемые судом красавицы девушки увяли, сделавшись матерями, а потом бабушками; прошла длинная вереница сменявших друг друга канцлеров; кипы приобщенных к делу свидетельств по искам уступили место кратким свидетельствам о смерти;

с тех пор как старый Том Джарндис впал в отчаяние и, войдя в кофейню на Канцлерской улице, пустил себе пулю в лоб, на земле не осталось, кажется, и трех Джарндисов, но тяжба «Джарндисы против Джарндисов» все еще тянется в суде — год за годом, томительная и безнадежная.

Тяжба Джарндисов дает пищу остроумию. Больше ничего хорошего из нее не вышло. Многим людям она принесла смерть, зато в судейской среде она дает пищу остроумию. Каждый референт Канцлерского суда наводил справки в приобретенных к ней документах. Каждый канцлер, в бытность свою адвокатом, выступал в ней от имени того или иного лица. Старшины юридических корпораций — пожилые юристы с сизыми носами и в тупоносых башмаках — не раз удачно острили на ее счет, заседая после обеда в избранном кругу своей «комиссии по распитию портвейна». Ученики-клерки привыкли оттачивать на ней свое юридическое остро словие. Теперешний лорд-канцлер как-то раз тонко выразил всеобщее отношение к тяжбе: видный адвокат мистер Блоуэрс сказал про что-то: «Это будет, когда с неба хлынет картофельный дождь», а канцлер заметил: «Или — когда мы распутаем дело Джарндисов, мистер Блоуэрс», и этой шутке тогда до упаду смеялись блюстители порядка, законности и интересов короля.

Трудно ответить на вопрос: сколько людей, даже непричастных к тяжбе «Джарндисы против Джарндисов», было испорчено и со-вращено с пути истинного ее губительным влиянием. Она развратила всех судейских, начиная с референта, который хранит стопы наса-женных на шпильки, пропыленных, уродливо измятых документов, приобретенных к тяжбе, и кончая последним клерком-переписчи-ком в «Палате шести клерков», переписавшим десятки тысяч ли-стов формата «канцлерский фолио» под неизменным заголовком «Джарндисы против Джарндисов». Под какими бы благовидными предложениями ни совершались вымогательство, надувательство, изде-вательство, подкуп и волокита, они тлетворны и ничего, кроме вре-да, принести не могут. Даже мальчикам-слугам поверенных, изда-ва на приучившимся не впускать несчастных просителей, уверяя их, будто мистер Чизл, Мизл — или как его там зовут? — сегодня осо-бенно перегружен работой и занят до самого обеда, — даже этим мальчишкам пришлось лишний раз покривить душой из-за тяжбы Джарндисов. Сборщику судебных пошлин она принесла изрядную сумму денег, а в придачу — недоверие ко всем — даже к родной матери — и презрение к ближним. Чизл, Мизл — или как их там зо-вут? — привыкли давать себе туманные обещания разобраться в та-ком-то затянувшемся дельце и посмотреть, нельзя ли чем-нибудь

помочь Дризлу, — с которым так плохо обошлись, — но не раньше, чем их контора развяжется с делом Джарндисов. Повсюду рассеяло это злополучное дело семена жульничества и жадности всех видов, и даже те люди, которые наблюдали за развитием тяжбы, находясь за пределами ее порочного круга, сами того не заметив, поддались искушению беспринципно махнуть рукой на все дурное вообще и, предоставив ему идти все тем же дурным путем, столь же беспринципно решили, что если мир плох, значит, устроен он как попало и не суждено ему быть хорошим.

Так в самой гуще грязи и в самом сердце тумана восседает лорд верховный канцлер в своем Верховном Канцлерском суде.

— Мистер Тенгл, — говорит лорд верховный канцлер, не вытерпев наконец красноречия этого ученого джентльмена.

— М'лорд? — отзывается мистер Тенгл.

Никто так тщательно не изучил дела «Джарндисы против Джарндисов», как мистер Тенгл. Он этим славится, — говорят даже, будто он со школьной скамьи ничего другого не читал.

— Вы скоро закончите изложение своих доводов?

— Нет, м'лорд... много разнообразных вопросов... но мой долг повиноваться... вашей м'лости, — выскальзывает ответ из уст мистера Тенгла.

— Мы должны выслушать еще нескольких адвокатов, не правда ли? — говорит канцлер с легкой усмешкой.

Восемнадцать ученых собратьев мистера Тенгла, каждый из которых вооружен кратким изложением дела на восемнадцати сотнях листов, подскочив, словно восемнадцать молоточков в рояле, и отвесив восемнадцать поклонов, опускаются на свои восемнадцать мест, тонущих во мраке.

— Мы продолжим слушание дела через две недели, в среду, — говорит канцлер.

Надо сказать, что вопрос, подлежащий обсуждению, — это всего лишь вопрос о судебных пошлинах, ничтожный росток в дремучем лесу породившей его тяжбы, — и уж он-то, несомненно, будет разрешен рано или поздно.

Канцлер встает; адвокаты встают; арестанта поспешно выводят вперед; человек из Шропшира взывает: «Милорд!» Блюстители порядка, законности и интересов короля негодуяюще кричат: «Тише!» — бросая суровые взгляды на человека из Шропшира.

— Что касается, — начинает канцлер, все еще продолжая судоворение по делу «Джарндисы против Джарндисов», — что касается молодой девицы...

— Прош'прощенья, ваш'милость... молодого человека, — преждевременно вскакивает мистер Тенгл.

— Что касается, — снова начинает канцлер, произнося слова особенно внятно, — молодой девицы и молодого человека, то есть обоих молодых людей...

(Мистер Тенгл повержен во прах.)

— ...коих я сегодня вызвал и кои сейчас находятся в моем кабинете, то я побеседую с ними и рассмотрю вопрос — целесообразно ли вынести решение о дозволении им проживать у их дяди.

Мистер Тенгл снова вскакивает:

— Прош'прощенья, ваш'милость... он умер.

— Если так, — канцлер, приложив к глазам лорнет, просматривает бумаги на столе, — то у их деда.

— Прош'прощенья, ваш'милость... дед пал жертвой... собственной опрометчивости... пустил пулю в лоб.

Тут из дальних скоплений тумана внезапно возникает крохотный адвокат и, пыхаясь изо всех сил, гудит громоподобным басом:

— Ваша милость, разрешите мне? Я выступаю от имени своего клиента. Молодым людям он приходится родственником в отдаленной степени родства. Я пока не имею возможности доложить суду, в какой именно степени, но он, бесспорно, их родственник.

Эта речь (произнесенная замогильным голосом) еще звучит где-то в вышине меж стропилами, а крохотный адвокат уже плюхнулся на свое место, скрывшись в тумане. Все его ищут глазами. Никто не видит его.

— Я побеседую с обоими молодыми людьми, — повторяет канцлер, — и рассмотрю вопрос о дозволении им проживать у их родственника. Я сообщу о своем решении завтра утром, когда открою заседание.

Канцлер уже собирается легким поклоном отпустить адвокатов, но тут подводят арестанта. Его запутанные дела, по-видимому, невозможно распутать, и остается только отдать приказ отвести его обратно в тюрьму, что и выполняют немедленно. Человек из Шропшира решается воззвать еще раз: «Милорд!» — но канцлер, заметив его, мгновенно исчезает. Все остальные тоже исчезают мигом. Батарейку синих мешков заряжают тяжелыми бумажными снарядами, и клерки тащат ее прочь; полоумная старушка удаляется вместе со своими документами; опустевший суд запирают.

О, если б можно было здесь запереть всю им содеянную несправедливость, все горе, им принесенное, и сжечь дотла вместе с ним как огромный погребальный костер, — какое это было бы счастье и для лиц, непричастных к тяжбе «Джарндисы против Джарндисов»!

*Глава II***В большом свете**

В этот слякотный день нам довольно лишь мельком взглянуть на большой свет. Он не так уж резко отличается от Канцлерского суда, и нам нетрудно будет сразу же перенестись из одного мира в другой. И большой свет, и Канцлерский суд скованы прецедентами и обычаями: они — как заспавшиеся Рипы Ван-Винклы, что и в сильную грозу играли в странные игры; они — как спящие красавицы, которых когда-нибудь разбудит рыцарь, после чего все вертелы в кухне, теперь неподвижные, завертятся стремительно!

Большой свет невелик. Даже по сравнению с миром таких, как мы, впрочем тоже имеющих свои пределы (в чем вы, ваша светлость, убедитесь, когда, изъездив его вдоль и поперек, окажетесь перед зияющей пустотой), большой свет — всего лишь крошечное пятнышко. В нем много хорошего; много хороших, достойных людей; он занимает предназначенное ему место. Но все зло в том, что этот изнеженный мир живет как в футляре для драгоценностей, слишком плотно закутанный в мягкие ткани и тонкое сукно, а потому не слышит шума более обширных миров, не видит, как они вращаются вокруг солнца. Это отмирающий мир, и порождения его болезненны, ибо в нем нечем дышать.

Миледи Дедлок вернулась в свой лондонский дом и дня через три-четыре отбудет в Париж, где ее милость собирается пробыть несколько недель; куда она отправится потом, еще неизвестно. Так, стремясь осчастливить парижан, предвещает великосветская хроника, а кому, как не ей, знать обо всем, что делается в большом свете. Узнавать об этом из других источников было бы не по-светски. Миледи Дедлок провела некоторое время в своей линкольнширской «усадьбе», как она говорит, беседуя в тесном кругу. В Линкольншире настоящий потоп. Мост в парке обрушился — одну его арку подмыло и унесло паводком. Низина вокруг превратилась в запруженную реку шириной в полмили, и унылые деревья островками торчат из воды, а вода вся в пузырьках — ведь дождь льет и льет день-деньской. В «усадьбе» миледи Дедлок скука была невыносимая. Погода стояла такая сырая, много дней и ночей напролет так лило, что деревья, должно быть, отсырели насквозь, и когда лесник подсекает и обрубают их, не слышно ни стука, ни треска — кажется, будто топор бьет по мягкому. Олени, наверное, промокли до костей, и там, где они проходят, в их следах стоят лужицы. Выстрел в этом влажном воздухе звучит глухо, а дымок из ружья ленивым об-